

День рождения

Думаете, апельсином не больно, особенно по этой косточке, снизу под подбородок, и если Артур запустил его? У меня зубы клацнули, ну, думаю, сейчас, погоди! Но он был уже в углу столовой, откуда Матильда за всеми смотрит и хочешь-не хочешь не выйдет, пока все не съедят обед и не пора будет на самоподготовку. Тогда на помощь Матильде прискачет Шрельда.

Но мы долго обедаем, поэтому Матильда одна. Артур за неё спрятался и со спины за плечи держал: не обернёшься! В воздухе летали запущенные кем-то яблоки (а ими ещё больней, когда в тебя попадут!) мелькали конфеты в бумажках, и тут Шрельда зашла вдруг - узнать, долго ли ещё ждать, и как же она орала! Я думаю, что её завтра уволят. Как трудовика, того, что съездил Артуру по уху, и ещё одну тётку, вроде, по английскому, она ни одного урока не провела, а уже сказала про нас "отребье". Шрельда здесь неделю, и всё крепилась, а тут за полминуты выкрикнула всё, что хотелось ей! Про то, что наши матери были не скажу кто, а мы думаем, что нам все должны, в семьях ребёнок не видит столько яблок и апельсинов, и сматфонов у многих нет, а нам тащат спонсоры - и за это они сами уроды.

Все так и застыли, кто где стоял, стало тихо. Артур, всё ещё прятавшийся, повернул Матильду, как куклу в углу, чтоб его стало видно, и произнёс:

- Бе-бе-бе-бе!

И тогда запустила в него яблоком и попала! Шрельда поглядела на меня больными, беспомощными глазами - точно ища защиты у меня, хотя с чего бы? - и вылетела вон. И тогда я тоже помчалась к умывальнику прикладывать к лицу холодные тряпки, которые всегда там лежат. Мне было надо, чтобы не остался синяк. А он, я чувала, хотел появиться. У нас многие с синяками, подумаешь! Но мне важно было быть без синяков в среду, когда нас поведут в школу! Так-то мы учимся в своём корпусе, а по средам и пятницам нас тренажёрка при школе для домашников, и ещё бывает бассейн.

На физре мы всегда одни - только наши, с нашим же Петром Павловичем, в школе расписание составили так, чтобы разные дети не травмировали друг друга - так и хочется сказать: "Бе-бе-бе-бе!" - у них математика или там история в это время, ни у кого нет физры. Но когда идёшь по коридору, ты всё-таки можешь травмировать их. Артур и ещё несколько

наших уже сколько раз задевали каких-то мальчиков, и кто-то из школы приходил жаловаться директорисе, было слышно, как она орет в кабинете:

- Это сироты! Думайте, что говорить!

Артур, Коля, Вася и Гена сидели потом в тёмной комнате. У нас как раз три тёмных комнаты, плюс кладовка, если наказывают и кого-то четвёртого.

Я тоже однажды чуть не пожаловалась, что домашник травмирует меня. Хотя что бы я сказала? Он же ничем не кидался и не подходил, и пальцем меня не тронул, он только смотрел, а смотреть разрешается. Я назвала его Глазки. Его, конечно, как-то зовут, но я не знаю, как. По средам и пятницам, только войдя с улицы на их территорию, я всегда смотрю: здесь ли Глазки? И он всегда здесь, в коридоре. Глазки у него небольшие, тёмные. Сидят глубоко, из глубины блестят... Я даже не знаю, что в них такого. Но он меня травмирует. Каждый раз я думаю: "Ага, здесь!" И представляю: вот если бы он увидел, как мы кидаемся апельсинами, или ещё что похуже, не скажу что. Ленку и Славика из-за такого держали в тёмных комнатах, в разных, конечно, и Славик орал: "Мне что, под кровать делать!" - потому что ему забыли поставить горшок.

Глазки никогда не узнает про мою жизнь. Им с нами, может, вообще говорить - позорно, поэтому наши мальчишки и стараются незаметно подставить им ножку или стукнуть в коленную чашечку, или за шиворот запустить что в руках окажется. Лучше бы Глазки не высовывался из своего класса, когда нас приводят. Когда я вижу его, на нас с Катей налетают задние пары, а Катя резко дёргает меня за руку. Я не знаю, отчего мне так не хочется, чтоб он увидел мой синяк. Но синяки не спрашивают. К среде скула налилась фиолетовым, сбоку заходило за ухо, а снизу - под воротник водолазки. И я сказала себе, что подумаешь, я тёмную комнату терпела и не плакала никогда, а тут - какой-то Глазки.

Он, точно, ждал у раздевалки, когда нас приведут. И он высматривал в общем строю меня. Наверно, меня трудно было узнать. Но он уже оказался рядом, дотронулся до моей ладони, и сразу исчез, как не было, а в руке у меня было что-то. Я долго боялась посмотреть, что. Мне хотелось, чтобы никто больше не видел, и когда я, наконец, смогла запереться в кабинке, я прочитала его записку: "Приходи ко мне на день рождения сегодня в 5 часов". И адрес. Улица, дом.

Я подумала, что это должно быть недалеко, домашние дети ходят в ближайшую к дому школу.

В пять у нас ещё самоподготовка, потом полдник и прогулка в нашем дворе. До прогулки ты не получишь куртку и сапоги. Но я знала, что Саша прячет куртку у себя в

комнате, и я смогла незаметно забраться к мальчишкам, а на ногах у меня были кроссовки для спортзала - сейчас не так холодно. Куртка была велика, и значит, легко было спрятать подарок! Я прихватила для Глазок апельсин, домашние же не видят таких апельсинов. Я бы взяла ему ещё и смартфон, но у меня разбился - Владик не нашёл, чем ещё запустить в Артура. Не зря нам говорят: не берите в столовую телефоны! А так бы он кинул стаканом или тарелкой. Теперь жди, когда привезут новые телефоны! Но апельсин подарить - тоже хорошо. Домашние дети не кидаются апельсинами. Они видят их редко, это нам они полагаются.

Я пролезла в дыру в заборе возле кустов. Там есть магазин - Саша и держит куртку, чтобы ходить в него, деньги он стреляет у прохожих, а я не стала ни у кого просить, я только говорила: пожалуйста, скажите, где вот такая улица и такой дом? Многие сперва думали, что я хочу спросить у них денег, или без спроса отнять - и не хотели со мной разговаривать. Но я точно решила, что найду дом Глазок, вот и нашла его.

Ещё от двери я поняла, что у Глазок много народа. И я подумала: все же захотят апельсин! Как станут делить? По дольке? Но мама Глазок ввела меня в комнату, и я увидела на столе вазу, полную апельсинов! Обманщица Шрельда, не зря её уволили из детского дома! Глазки смотрел на меня, и все смотрели тоже, и я поняла, что стою в середине комнаты, протягивая ему свой апельсин - и я не знала, что делать, когда мама Глазок сказала:

- Этот апельсин мы положим отдельно, - и увела меня в кухню.

Глазки вошёл было следом, но его мама сказала ему:

- Давай к гостям, сейчас Света поможет мне - и придёт.

А мне велела заправлять сметаной салаты и перетирать бокалы для лимонада. Я сперва боялась, что она станет кричать на меня - она же не работает у нас и ей можно, но после я перестала бояться. А скоро все в комнате стали играть в игру, там надо было без слов показывать разное, так, чтоб все отгадывали, и его мама сказала:

- Это смешная игра, пойдём присоединимся?

И было правда очень смешно, я бы никогда не подумала, что так весело будет у Глазок. Без слов можно показать гуся, пылесос, стиральную машину, тигра, вертолёт - и что хочешь! Потом кто-то предложил в жмурки, мы тоже в неё играем, а в эту, с гусем и пылесосом и всем подряд я не знаю, кого могла бы научить.

Глазки с мамой пошли провожать меня, и чем дальше мы отходили от их дома, тем мне становилось страшней. Мама Глазок говорила, что звонила директору и договорилась, что я побуду в гостях, и мне ничего не будет. Но я ей всё меньше и меньше верила. Не в то,

что она правда звонила нашей директрисе - а просто она по пути всё больше и больше становилась ненастоящей. Как будто я сама придумывала на ходу, что она скажет дальше, - и она это и говорила. А Глазки из мальчика Вовы, с которым мы играли весь вечер, опять превращался в Глазки, в того, кого я начинала высматривать, только войдя в школу, хотя он меня и травмировал.

- Я узнаю, как забирать тебя на выходные, - сказала мне мама Глазок.

Но как бы не так! В семье отпускают только за хорошее поведение!

Я сижу в темной комнате. Так наказывают тех, кто пытался удрать. Мне сказали, я буду здесь до следующей недели - никто столько ещё не сидел. Я хуже всех, меня не было целый вечер и я утащила Сашину куртку. Матильда больно сжала мне руку выше локтя и сказала:

- Радуйся, что тебя запирают, а то бы он сейчас разобрался с тобой!

В семье, где я была в гостях, узнают теперь, какая я на самом деле, и больше ни за что не позовут. Домашний мальчик меня забудет, ведь я всю неделю не буду ходить в школу! Матильда повторяет это, как будто я с одного раза не поняла, и снова пугает:

- Смотри, запущу к тебе Сашку!

Когда она исчезает, Сашка и в самом деле заходит. У него есть скобка, которой он открывает замки. Я сразу понимаю, что это Сашка, хотя здесь темно.

- Я нечаянно, - говорит он. - Если бы я знал, что ты - к домашнику на день рождения, я бы молчал, что куда-то пропала куртка.

Он протягивает мне что-то в темноте, и я понимаю, что это апельсин.